

18+

Анатолий Зарецкий

Тайная любовь моя

Повесть

Анатолий Зарецкий

Тайная любовь моя. Повесть

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Тайная любовь моя. Повесть / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745376-3

Магическую книгу он мне так и не показал. Была ли она вообще, та книга? Бедненький мой Кузнечик. Как же некстати появилась на твоём пути эта парочка со своей магией и оккультизмом. Она смогла заморочить голову твоему мужу, а уж тебе и подавно... — Мама, а что случится, если бабочка умрет? — спросил как-то маму маленький сын. — Ничего не случится. Только бабочки больше не будет, — ответила мать... И вот уже целый год нет тебя в этом мире, миленький мой Кузнечик.

ISBN 978-5-44-745376-3

© Зарецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Валя-Валентина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тайная любовь моя
Повесть
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валя-Валентина

День прощания с родным городом перед дальней дорогой, подходил к концу. С друзьями попрощался еще в выходные. Поезд завтра вечером. Двое суток в пути, и я у порога новой, неведомой жизни...

Дома ждала новость:

– Твой друг, Саша Бондарь, заходил. Ждал тебя полдня, так и не дождался, – сообщила мама, – Представляешь, он, оказывается, женился. Жена просто красавица. Из Тульской области привез... Она тебя знает. Говорит, вы встречались в Бердянске, когда с Сашей ездили в Крым... Кстати, ехать тебе придется не вечером, а утром. Они поменяли твой билет, так что поедешь не один, а с ними в одном купе.

– Мама, а его жену, случайно, ни Валеи зовут?

– Точно, Валеи. Значит, ты ее знаешь?

Да-а-а... Валею я действительно знал... Но каков Санька? Ни слова, ни полслова. Уехал после выпускного вечера в месячный отпуск, который нам предоставили перед тем, как должны вместе отправиться по распределению, а приехал с опозданием, да еще с женой! Конечно, в том, что он женился, я ничего особенного не усматривал. Очень много наших ребят женились на пятом курсе, а еще больше – буквально перед распределением.

Удивило, что женился именно на Вале – на Вале-Валентине, как я ее когда-то звал... И припомнились события трехлетней давности...

Мы окончили второй курс. И решили повторить наше путешествие по Крыму, которое так понравилось в прошлом году. Тогда стартовали из Бердянска. Теплоходом добрались до Феодосии. А оттуда отправились вдоль всего побережья, останавливаясь ненадолго в понравившихся местах. Добрались почти до Севастополя. Но дальше был ящур, и нас не пустили. Мы вернулись в Ялту, а затем теплоходом – в Бердянск.

В этот раз наше путешествие провалилось. Несколько суток мы пытались взять билеты на теплоход. Отстаивали гигантские очереди, записывались в какие-то списки, отмечались, – но все усилия оказались напрасными. Когда кассу открывали, выяснялось, что билетов на очередной рейс давным-давно нет – их распродали за 45 суток до рейса. Ждать, что кто-то, победивший в аналогичной битве за билеты полтора месяца назад, вдруг откажется от поездки, бессмысленно...

Хотел, было, вернуться домой, но и это оказалось проблематичным. На единственный поезд до Харькова билетов тоже не было. И мне пришлось воспользоваться гостеприимством Сашиных родителей и провести в Бердянске целых три недели.

Мы быстро освоили режим отдыха у моря. Ежедневно, обычно прямо с утра, отправлялись на один из пляжей. Вначале на городской – привыкали к солнцу. Потом, когда привыкли – на многочисленные загородные пляжи. Иногда отправлялись на день-два на Бердянскую косу. Эта узкая песчаная полоса суши выходила далеко в море. Выбирали подходящее место вдали от основной массы купальщиков, ставили палатку, готовили еду на походном примусе и дни напролет купались и загорали. А вечерами, чуть ни до полуночи, слушали бардовские песни под гитару, исполняемые многочисленными туристами-«дикарями».

Две недели отдыха пролетели незаметно.

Тот памятный день, в начале третьей недели, был полон приключений. Собирались всего на один день, а потому для начала забыли палатку. А ближе к вечеру я заплыл так далеко, что потерял ориентиры. Я никак не мог увидеть низкий берег. Поэтому было непонятно, куда

плыть. Плыл, полулежа на небольшой автомобильной камере, работая ластами и руками. Огляделся – никаких зацепок. Попытался встать на камеру. Результат тот же. Плохо, что, отплывая, не отметил положение солнца относительно берега. Я качался на волнах, напряженно вглядывался в горизонт, изредка поглядывал на солнце и мучительно припоминал, как оно располагалось, когда был на берегу. В том месте косы мы оказались впервые, и я понял, что ничего не могу вспомнить.

Я болтался в море уже довольно долго. Возможно час, а возможно – гораздо дольше... В конечном итоге, мне повезло – вдалеке увидел небольшой теплоходик. Не раз видел, как такие же ходили мимо нашей стоянки вдоль береговой линии. Конечно же, мог и ошибиться, но, не размышляя, рванул наперерез ходу этого судна. Через полчаса бешеной гонки увидел, наконец, тоненькую полоску берега. Еще минут через сорок попал на берег. С трудом разыскал перепуганного Сашу и его приятеля. И мы одними из последних покинули бердянскую косу.

Домой попали позже обычного, переполошив Сашиных родителей, так и не дождавшихся нас к традиционному семейному ужину. Пожурив за недисциплинированность и накормив, Сашу все же «в наказание припахали» домашней работой, а я, как гость, оказался не у дел и вышел посидеть в беседке, расположенной в уютном дворике, образованном Г-образным зданием и явно самодеятельными сарайчиками-гаражами.

Обычно мы выходили сюда с Сашей и сидели допоздна. Здесь было гораздо приятней, чем в душной квартире. Подходили и уходили разновозрастные ребята и даже мужчины – жители дома. За две недели своего отдыха узнал практически всех. Играли в карты, или неторопливо обсуждали все, что угодно: футбольные матчи, новые фильмы, вышедшие на экраны города, цены на местном рынке и прочее. Словом, коротали время, отдыхая от дневного пекла сердцевины приморского лета.

Вот и в тот раз скучать в одиночестве не пришлось – беседка была полна завсегдатаев вечерних посиделок. И я стал ждать момента, когда можно было включиться в азартную игру «на вылет».

Вдруг ребята оживились и дружно оторвались от карт. Невольно взглянул в сторону, куда смотрели все, и увидел на редкость красивую девушку. Похоже, она вышла из нашего подъезда и направлялась к нам. Когда же она медленно поплыла мимо беседки, все наперебой затархтели свои приветствия: «Валечка, с приездом!.. Иди к нам!.. Надолго приехала?.. Не проходи мимо... Заходи». Она с удовольствием отвечала каждому, даря при этом ослепительную улыбку, но шла, не замедляя шага. Похоже, ей нравилось быть в эпицентре мужского внимания, но в тот вечер было явно не до нас.

Неожиданно, взглядом капризной девчонки, давно привыкшей к восторженному признанию ее достоинств всеми, без исключений, она посмотрела на меня и остановилась:

– А я вас не знаю, – без тени смущения обратилась ко мне незнакомка, которую, уже понял, звали Вале́й.

– Обратное меня бы удивило, – нарочито равнодушным голосом ответил ей, исподтишка наблюдая реакцию, – Я бы подумал, что уже знаменит настолько, что меня узнают даже незнакомые люди, – без всякой цели начал легкий флирт с девушкой, которая показалась мне забавной своей бесцеремонностью, не принятой в моем родном городе.

– А вы кто, если даже немножечко знамениты? – с неподдельным интересом спросила Валя, вошла в беседку и уселась прямо передо мной на место, которое ей мгновенно уступили.

– Профессор, – ответил ей, в шутку представившись своей «липовой кликухой», – Сокращенно, можно звать Проф, но без точки в конце слова, – закончил свое представление явной белибердой. Она на минутку замолчала, очевидно, соображая, что еще спросить.

– А зовут вас, как? – решила, наконец, Валя на следующий вопрос.

– Я так понимаю, вы хотите со мной познакомиться, милая девушка? – вместо ответа продолжил я словесную дуэль, – К сожалению, свои визитки оставил дома. Поэтому зовите меня просто Проф, или Толик – как вам удобней. А вас, я слышал, все зовут Валеи. Считайте, познакомились, – и протянул ей руку.

Она, в ответ, улыбнулась и очень изящно подала свою небольшую ручку. Я взял ее и, неожиданно для себя, поцеловал. Почему так сделал, для меня так и осталось загадкой. Никогда до этого я не целовал ручки женщинам. Возможно, к тому подвигло профессорское звание, которое самолично присвоил. Возможно. Но Валя нисколько не удивилась моей выходке и отнеслась к ней как к чему-то должному. По всему было видно, что я ее заинтриговал.

Неожиданное знакомство с красивой девушкой, проявившей ко мне интерес, подняло настроение, вызвав желание подурачиться.

– И что же вы здесь делаете, профессор Толик? – вдруг спросила Валя, из чего сделал вывод, что она все-таки поняла, что шучу.

«Что ж, не дурочка, хоть и красивая», – подумал, пытаясь меж тем определить ее возраст.

– Изучаю бассейн Азовского моря, путем самоличного погружения своей профессорской персоны в его мутные воды.

Валя рассмеялась. Смеялась она откровенно, от души, но все же чуть-чуть кокетничая.

– И давно изучаете?

– Вот уж две недели.

– Заметно. Хорошо загорели, – отметила она. Я, правда, удивился, как это она разглядела загар в полумраке беседки, освещенной слабенькой электрической лампочкой.

– Я скорей разгорел, чем загорел, – сообщил ей факт, который самого поначалу удивил, – До приезда в Бердянск уже был шоколадный – целых пол-года загорал. А здесь стал замечать, что чем больше загораю, тем светлей становлюсь. За две недели из шоколадного стал светло-золотистым.

– А откуда вы приехали?

– Из Харькова.

– А я только сегодня из Тульской области, – сообщила Валя.

Я вдруг обратил внимание, что ребята, сидевшие в беседке и скучавшие оттого, что мы с Валеи не включаем их в свой диалог, постепенно разошлись. Да и время уже было позднее. Мы остались вдвоем, но прежде спешившая куда-то девушка не уходила.

– Завидую. У вас отдых еще впереди, а мне через неделю уезжать. Кстати, Валя, мы, похоже, ровесники. К тому же уже знакомы. Почему бы ни перейти на «ты»? Идет?

– Идет. А ты где остановился? – мгновенно сориентировалась Валя.

– У Саши Бондаря. Знаешь такого? Я вижу, ты всех знаешь, и они тебя. Откуда?

– И Сашу, и остальных знаю уже давно. Я каждый год здесь отдыхаю, у родственников... А они тебе комнату сдают, или койку?

– Нет. Мы с Сашей учимся вместе. Собирались, как в прошлом году, в Крым, но не получилось. Вот и пришлось погостить в Бердянске. Здесь тоже ничего. Хоть и плохонькое, но море.

– А вы уже летаете? – вне всякой логики вдруг спросила Валя.

– В каком смысле?.. Разве Саша говорил, что он в летчики готовится? – искренне удивился неожиданному вопросу.

– Форма у него летная. Вот я и подумала. Спросила его как-то, а он что-то невразумительное промывчал. Так и не поняла. А ты уже летал?

– Летал на планере с инструктором, но очень давно, когда мне еще шестнадцать было. В семнадцать поступал в училище летчиков, но не прошел медкомиссию. Небо для меня закрылось. Даже из аэроклуба выставили. Теперь летаю, как пассажир.

– С вами все понятно, товарищи военные... «Думала, летает, а он там подметает», – пошутила Валя, процитировав слова известной в то время частушки, и замолчала. Молчал и я,

так и не поняв, к кому относились ее слова – ко мне, или к Саше, и что она вообще хотела этим сказать, – Толик, извини, само вырвалось. Хотела немного развеселить тебя, а как, не знаю... Ты всегда такой серьезный? – после продолжительной паузы вдруг спросила девушка.

– Валечка, это я, по идее, должен тебя развлекать, но тоже не знаю, как это делается. Сегодня вот что-то разговорился, а так уже много лет с девушками не общался. Дисквалифицировался.

– Почему?.. Разве у тебя нет девушки? Ты, вроде, парень нормальный и даже забавный.

– Валечка, это длинная история... Была у меня девушка. Дружили с детских лет... Подросли, понял, что люблю... Думал, она тоже... А потом, за три месяца, пока летал в Крыму на планере, у нее в Харькове что-то произошло. Когда вернулся, как кошка между нами пробежала, все разладилось... Вот уже пять лет прошло, а я забыть ее не могу. А потому ни на кого не смотрю. Вот такая моя грустная история.

– Что она особенная, эта девушка? Или других мало?

– Валечка, таких привлекательных, как ты, я за свою жизнь встретил пока только двух. Одна из них – это моя Людочка, а вторая – Наташа Фатеева. Ты ее должна знать. Она во многих фильмах снималась... А Людочка дорога мне с детских лет. Мне кажется, я бы ее любую полюбил... А девушек, красивых как ты, все любят.

– Ты считаешь меня красивой? У нас в Тульской области таких, как я, навалом.

– А ты в этом сомневаешься? Ты очень красивая, Валечка. Ростом чуть не вышла, только для девушки это ерунда. А так все при тебе.

– А Людочка красивая?

– Очень... Когда с ней ходил, чувствовал себя, как на витрине – на нее все смотрели, а заодно на меня... Мне казалось, ею можно любоваться вечно, и никогда не надоест... Глаза – утонуть можно... А улыбка... Ни у одной девушки такой не видел... Фигурка как у греческой богини... Она художественной гимнасткой занималась, и даже стала чемпионкой города. Ну и потом, она смугленькая, как все наши девчата... А ты вот пока беленькая. Загоришь, будешь еще красивее.

– А с Фатеевой как познакомился? Она же известная артистка. И живет в Москве.

– Когда познакомился, она еще была никем и жила в Харькове. Просто, ее отец работал с моим. Они к нам в гости приезжали. Наташа тогда еще только поступила куда-то. Но взрослые уже говорили, что будет артисткой. Она такой взрослой показалась. Но потом, когда стала с нами играть, увидел, что ненамного старше меня... Сказки рассказывала. А я слушал и во все глаза смотрел на нее, оторваться не мог, хотя чувствовал себя неловко. У нее такие красивые глаза. Да и вся показалась какой-то воздушной... Валечка, расскажи о себе. У тебя есть парень?

– Знаешь, Толик, я еще никому не рассказывала. Моя история более грустная, чем твоя... Дружила с хорошим парнем, а он внезапно погиб – утонул... А после него смотрю на всех – не то. У нас в области, девочки хорошие, а ребята какие-то пришибленные. Много пьющих. Мой парень был не такой. Вот и не могу забыть. А всем кажусь веселой пустышкой.

– Точно, Валечка... Поначалу так и подумал... А ты, оказывается, совсем другая... Удивила... Похоже, однолюб, как я. А это так безнадежно... Может, слышала такие стихи? «Ты одинок среди сотен тысяч лиц. Ты одинок без сотен тысяч лиц». Это про нас... Вот и я иногда сочиняю стихи. Такие же грустные. Особенно, когда настроение соответствующее.

– Ты сочиняешь стихи? Прочти хоть одно, пожалуйста. Никогда не встречала людей, которые сочиняют.

– Валечка, не могу их читать вслух. Я лучше тебе напишу, а ты сама прочтешь.

– Толик, прочти, пожалуйста, сейчас. У меня настроение подходящее.

– Ладно, Валечка. Но если собьюсь, не обессудь, – и я, как школьник, плохо выучивший домашнее задание, собравшись с духом, все же почти без запинок прочел ей:

Моя любовь с годами не проходит —
Она сильна, как в юности далекой.
А кровь весной все также бурно бродит.
Душа кипит, зовет мечтой высокой.

И пусть известно, встреч уже не будет,
Хоть я о них по-прежнему мечтаю.
А чувств ее нисколько не разбудит
Судьба того, кто от любви страдает.

Но каждая весна приносит в сердце бурю.
В груди пылает светлая надежда,
Что та, которую давным-давно люблю я,
Со мною будет снова, как и прежде.

Все эти мысли душу раздирают,
Мечты о счастье, о любви красивой.
Но сердца лед напрасно только тает,
И жизнь становится совсем невыносимой.

Пусть ранняя весна мне бури не приносит.
Лишь болью отзовется ветер мая
В душе остывшей, что любви не просит,
В душе, что счастья больше не узнает.

– Да-а-а, Толик... Честно говоря, не ожидала... А еще, пожалуйста.

– Неужели понравилось? Еще, так еще. Раз уж осмелился. А то никогда не слышал, как они звучат.

Плачь без слез, душа моя,
Плачь с отчаянья и боли.
Я живу на свете зря
Жизнь страдания и горя.

Плачь, что нет нашей любви,
Что один, как ветер в поле.
Плачь, что нет уже в крови
Чувств, бушующих, как море,

Что когда-то счастлив был,
Но тобою все забыто —
Все, чем я дышал и жил...
Все разбито... Все разбито.

– Толик, нет слов... А у тебя есть стихи не грустные? Прочти, пожалуйста.

– Таких у меня мало, Валечка... Ведь стихи рождаются, когда душа поет, или плачет. А если этого нет, образуется союз писателей, где работают... Как станки... Кстати, вот одно бодренькое припомнил.

Светит яркое солнце весеннее,
Превращая снега в ручейки.
Позабыты печали осенние,
Вновь хорошими стали деньки.

Чем хорошими? Даже не знаю,
Только радости сердце полно.
Словно снег, грусть-тоска моя тает,
Что тревожила душу давно.

Не хочу тосковать и грустить.
Все изрядно уже надоело.
Начинать надо снова жить,
И пора приниматься за дело.

Все равно, что прошло – не вернешь,
Только душу тоскою изложишь.
Горькие слезы напрасно прольешь,
Но помочь уж ничем не сможешь.

Так вперед в эту бурную жизнь!
Лишь вперед и вперед, без оглядки!
Ведь и так коротка эта жизнь,
Чтоб так глупо играть с нею в прятки.

Светит яркое солнце весеннее,
Звонкой песней звенят ручейки.
Позабыты печали осенние,
Вновь счастливыми стали деньки.

– Толик, знаешь, если бы мне посвятили такие стихи, я бы на край света пошла с тем человеком. А Людочка твоя, скорее всего, не любила тебя никогда. Так, показалось вам обоим.

– Нет, Валечка... Я видел ее глаза... Они не обманывали... А о моих стихах она ничего не знает. Я их сочиняю так, для себя... Ты – первый человек, который их услышал, да еще в моем никудышном исполнении.

– Как не знает?.. Немедленно придумай, как сделать, чтоб она их прочла!

– Да была такая мысль. А вот как, если она со мной даже говорить не хотела. А два года назад они переехали. Куда, не знаю. Да и зачем искать?.. Вот и подумал. Когда стихов будет много, попробовать опубликовать. Может, когда-нибудь случайно увидит ту книжечку стихов, посвященных ей... Тогда подумает, что потеряла... А может, посмеется.

– Толик, да ведь это месть! Только запоздалая. А вдруг она уже будет замужем, когда прочтет. Пользы от твоей затеи никакой. А она страдать будет. Твои стихи не оставят ее равнодушной. Я знаю. Подумай.

– Валечка, не хочу больше ни о чем думать. Что будет, то будет... Я так устал за эти пять лет полной безнадёги... Годы идут, а впереди – пустота... Мне надо пробовать менять свою жизнь, а я не могу забыть, чего давным-давно нет, да и боюсь новых разочарований.

– Толик, могу ли я тебе советовать? Я сама в таком же поиске и с такими же страхами... Пробуй. Ты – мужчина.

– Знаешь, Валечка, встретить бы девушку, похожую на Людочку, или на тебя, пожалуй, рискнул. А так...

– А я сама на себя похожа, – вдруг кокетливо улыбнулась Валя.

– Валька, а ты занятная девчонка! С тобой не соскучишься... Но мы с тобой друзья по несчастью... А потому совсем не хочется ни тебя разочаровывать, ни в тебе.

– А ты рискни... Сочини мне стихотворение, и увидишь, – неожиданно для меня фактически предложила дружбу Валя.

– Эх ты, Валя-Валентина... Профессор излагает свои серьезные мысли и сомнения, а молодая красивая девушка шутит с глупым профессором... А вдруг он действительно рискнет?

– Я не шучу, Толик... Кстати, как ты меня сейчас назвал?

– Валя-Валентина... Так, выскочило неожиданно.

– Знаешь, меня еще никто так не называл. Мне понравилось. А все эти Валечки, Валюши мне с детства валенки напоминают. Из-за этого не люблю свое имя... А Валя-Валентина здорово!

– Конечно, здорово. Почти как Эрих Мария Ремарк, – назвал я одного из любимых писателей.

Валя-Валентина рассмеялась. С тех пор я почти всегда так ее звал.

– Жду стихи, – сказала Валя, когда мы, наконец, распрощались на лестничной площадке...

– А я думал, ты давно спишь, – удивился Саша, открывая дверь, – Где ты пропадал?

– В квартире очень жарко, а я задремал в беседке – там так хорошо было сегодня.

Ночью приснился странный сон, навеянный, очевидно, морским приключением, вечерним знакомством и его неожиданным продолжением.

Я лежу на пляже бердянской косы. Издали ко мне приближаются, словно плывут по песку, две греческие богини – Людочка и Ирочка. Они все ближе и ближе. Я все отчетливее вижу их красивые, но суровые лица. Они смотрят на меня в упор, с укоризной.

Неожиданно рядом со мной возникает Валя. Она смотрит на меня, потом на приближающихся девушек. Она видит мое смятение.

– Толик! – вдруг хватает за руку Валя, – Не смотри на них, они же не настоящие! Они были такими пять лет назад, а сейчас это видение, мираж! Посмотри на меня! Я здесь, рядом, и я тоже красивая! Смотри! – кричит она, и вдруг быстро снимает купальник.

Без одежды она выглядит фантастически. Я никогда не видел ничего подобного. Я не могу оторвать взгляда от Вали-Валентины. А она смотрит на меня так загадочно...

Но мне надо бежать от нее!

Как можно быстрее и дальше!

Не знаю, почему, но надо.

С трудом бегу по зыбучему песку, рыбка бросаюсь в воду, ныряю, долго плыву под водой. Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь и всплываю.

В нескольких метрах от меня, как когда-то на харьковском водохранилище, стремительно летит четверка распашная. На веслах, что с моей стороны – Людочка и Ирочка. Они меня не видят и налегают на весла.

Меня видит рулевой. Это Саша. Но он не реагирует. Кричу ему: «Человек по курсу! Суши весла!» Он смеется сатанинским смехом и вещает громовым голосом: «Ты предал свою любовь!.. Ты приговорен к смерти!» Весла уже занесены над моей головой...

В ужасе просыпаюсь. Я лежу на мокрой подушке и мокрых простынях. Липкая духота жаркого лета. Комнату озаряют всполохи далекой грозы.

Я пришел в себя и долго лежал недвижно, переживая фантастические, но необыкновенно реальные видения сна. Наконец, снова задремал. Сновидение повторилось один в один. И я снова испытал ужас приговоренного к казни. Я больше не мог спать. Я лежал и думал обо всем, что еще не случилось, но может случиться. Я чувствовал себя накануне...

Сами собой пошли стихи. Я их не записывал, а старался запомнить. Они родились в полчаса.

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Мы не вечны с тобою,
Как и все на Земле.
И дано нам судьбою
Раствориться во мгле.

Он однажды погаснет,
Этот мир золотой,
Где нам выпало счастье —
Горечь жизни земной.

Пусть порою, бывает,
Тот душевный разлад
Нас с тобой заставляет
Оглянуться назад.

Но надежда на счастье
В каждом сердце живет,
И в любое ненастье
Оно лучшего ждет.

И в награду бывает
Перекресток судьбы,
Где зимой расцветают
Среди снега цветы.

Только в зимнюю стужу,
Когда холод в крови,
Распахни свою душу
Навстречу любви!

Мне не хотелось включать лампу на столике. Дождался, пока рассвело, вырвал листок из какой-то Сашиной школьной тетради и записал стихотворение.

Утром схватил ведро для мусора и медленно пошел с ним в сторону беседки. Беседка была пуста. Я смотрел на нее и вспоминал вчерашний разговор с Валею-Валентиной. Было это, или нет? А может это мираж, как в том жутком сне? Может, мы оба просто развлекались от скуки пустого вечера? Нет, она была искренна, хотя изредка кокетничала, как любая, знающая себе цену красивая девушка, привыкшая быть центром внимания.

Я услышал скрип открывающейся двери подъезда и легкие шаги. Еще ничего не увидев, сразу понял – это Валя-Валентина. Что же будет дальше?

– Доброе утро, профессор Толик, – раздался ее бодрый мелодичный голосок.

– Доброе утро, Валя-Валентина. Вас не мучили кошмары этой душной предгрозовой ночи?

– Нисколько. Я прекрасно выспалась и сейчас в хорошем настроении. Толик, а почему снова на «вы»?

– Валечка, но вас же теперь двое – Валя и Валентина, это все равно, как Эрих и Мария – брат и сестра одноименного писателя Ремарка.

Валя рассмеялась. Похоже, у нее действительно хорошее настроение. А еще, мне показалось, она ждала меня. Уж очень быстро вышла.

– А я сюрприз приготовил, – подал Вале свернутый вчетверо листочек со стихотворением, – Прочти и сожги, если пустое. Только прошу, прочти сейчас.

Валя вошла в беседку. А я пошел выносить мусор. Когда вернулся, она пристально смотрела на меня. Ее взгляд был точно таким, как во сне. «Сейчас начнет раздеваться», – мелькнула шальная мысль, и я непроизвольно рассмеялся. Валя застыла в изумлении.

– Толик, с тобой не соскучишься. Я в восторге от подарка. Не знаю, как благодарить. За одну ночь такое сочинить. А ты смеешься.

– Валечка, не за ночь, а за полчаса. Я их почти столько же записывал. А благодарить надо тебя. За то, что ты есть такая, Валя-Валентина. Ладно, а то нас заждались с пустыми ведрами. Пойдешь сегодня на пляж?

– Не знаю еще. Боюсь, сторю за полчаса, пока ты будешь сочинять мне очередное произведение и светлеть на солнышке.

– Ну, Валя-Валентина, ты даешь... Придется расстараться. Жди очередной сюрприз.

И мы расстались, как оказалось, ненадолго. Пока шла подготовка к традиционному завтраку, я уединился.

Первое послание воспринято положительно. Второе должно быть размышлением о вариантах развития наших с тобой, Валя-Валентина, отношений. Это белое, или черное. Взлет, или падение. Счастье, или горе. Реальность, или мечта. Явь, или сон. Но Вали-Валентины здесь уже быть не должно. Это две ярких звезды на пустынном небосводе моей одинокой жизни – угасающая, что была, и взрывающаяся на ее месте новая звезда, вспыхивающая ярким светом надежды на обновление. И еще до завтрака я записал это стихотворение:

Надежды нет, но на пустынном небосводе
Взошла одна Последняя Звезда.
Что ты несешь мне – счастье, или горе,
Успокаивающие навсегда?
Вспыхнешь ли ты Новою Звездою,
Или погаснешь в черной тишине?
Станешь ли ты явью – не мечтою,
Или останешься во сне?

Я все успел. После завтрака мы с Сашей вышли во двор, и пошли, как всегда, в беседку. Там уже сидели завсегда и играли в карты. Вскоре вышла Валентина. Повторилась картина вчерашнего вечера.

Но появился новый герой. Я увидел, как засуетился вокруг Вали Саша. Стало ясно, что у меня есть соперник, который еще на месяц останется здесь после моего отъезда. Конечно, главное действующее лицо – Валя-Валентина. Но я, похоже, за двенадцать часов с момента нашего знакомства с этой девушкой, успел больше, чем Саша за все время, которое Валя проводила в этом городе. А впереди у меня еще целых пять дней. Нет, Саша, ты мне не соперник.

Посуетившись минут пятнадцать, Саша вдруг подошел ко мне и сказал, что Валя приглашает нас обоих в кинотеатр.

Сидеть в душном зале и смотреть какую-то американскую галиматью, вместо того, чтобы наслаждаться солнцем и морской водой? Ну, нет.

– При чем здесь я? – на всякий случай изобразил искреннее удивление, которое Саша, не знавший ничего о нашем ночном разговоре с Вале, принял за чистую монету, – Идите вдвоем. Не очень хочется терять последние денечки. Дорогу к морю знаю, так что все в порядке. Не обижусь.

Саша ушел на переговоры. Они стояли в стороне от всех и что-то бурно обсуждали. Вскоре он вернулся в беседку и сказал, что Валя очень просит. Зал с кондиционером. Это, хоть и дороже, но намного удобней.

Пока Саша говорил, Валя улыбалась мне издали. Улыбнувшись ей в ответ, сказал Саше, что согласен на культпоход при условии, что всех приглашаю я.

Переговоры продолжились. Я видел, что Валентина смеется. Махнул ей рукой, она помахала в ответ. Когда подошел к ним, Саша представил Валу. Мы обменялись рукопожатием в честь нашего знакомства, оба делая вид, что видимся впервые.

Театр действительно порадовал приятной прохладой. Она началась прямо в фойе. Я выдал Саньке деньги, и пока он покупал билеты, передал Вале мое очередное творение. Она тут же с интересом прочла.

– Толик, и когда это ты успел? – удивилась девушка.

– Много ли времени мне надо, если у меня снова есть Муза. И эта Муза ты – Валя-Валентина. О чем вы так бурно дискутировали с Сашей, если не секрет?

– Да так, разговор ни о чем. Знаешь, Толик, у меня все в голове перевернулось после нашего разговора, а особенно после твоих стихов. Имеют ли значение все остальные разговоры и предложения, которыми окружена с утра до вечера. Единственное, что беспокоит – он же не даст нам встретиться вечером, как вчера. От него не избавишься. А ты что думаешь?

Я не успел ответить, подошел Саша, и мы прошли в зал. Валу усадили между нами. Она оказалась слева от меня. Как только начался фильм, и в зале стало темно, ощутил прикосновение ее руки, которую она потихоньку, незаметно от Саши, протянула мне, при этом, вполоборота развернувшись к нему. Рука была мягкая, как подушечка. Я с удовольствием погладил ее, почувствовав ответную нежность Вали-Валентины.

А когда Саша что-то уронил, и начал суетиться в темноте зала, пытаясь это нечто достать, рука Вали быстро взяла мою руку и решительно поместила ее на свою грудь. Я ощутил округлость женских прелестей этой странной, явно влекущей в свои сети девушки. И я, как маленькая, безмозглая мошка, угодившая в эти красивые совершенные тенета, уже не мог сопротивляться. Меня охватило какое-то небывалое чувство. Ничего подобного со мной еще не было. Я ласкал эту грудь легкими прикосновениями, ощущая ее нежную податливость и девичью упругость. И не было сил остановиться, настолько волшебными были женские чары. Я ощу-

щал, как иногда вздрагивает и напрягается в ответ на мои ласки Валя-Валентина. И это еще больше втягивало меня в вечную, как мир, сказку и быль отношений мужчины и женщины...

Я уже не видел, что происходило на экране. Мне хотелось, чтобы поскорее настал вечер, чтобы мы остались с Валею одни, и тогда я смог бы ей сказать то, что касалось только нас двоих.

Мы вышли из прохладного кинотеатра на раскаленную улицу. Саша пытался втянуть нас в обсуждение только что просмотренного фильма, но, похоже, не только я один смотрел на экран, не видя ничего. Когда Саша постепенно рассказал нам сюжет просмотренного нами фильма, и рассказывать стало нечего, все замолчали. Мы молча шли по дорожке парка. Валя изредка поглядывала в мою сторону, неизменно одаривая своей очаровательной улыбкой. Я улыбался в ответ.

– Тебе понравилось? – обратился к Вале с явно двусмысленным вопросом.

– А тебе? – с кокетливой улыбкой ответила она вопросом на вопрос, очевидно поняв меня.

– Это было прекрасно. Я навсегда запомню этот кинотеатр и нас, очарованных сюжетом потрясающего фильма.

– Я тоже в восторге. Очень хотелось бы повторить.

– Да, фильм что надо, – вмешался в наш разговор Саша, – Но завтра пойдет другой фильм. Я видел новую афишу. Может, сходим? – предложил он. Мы с Валею рассмеялись. Он посмотрел на нас, не поняв причину нашего смеха.

– Хорошая идея, – разрядил я обстановку, – Значит, с пляжами покончено. Отныне только кино. Хоть немного от жары отдохнем.

Обсудив программу завтрашнего дня, мы снова замолчали. Было очевидно, что кто-то из молчаливо бредущей троицы явно лишней. И тут меня осенило. Я начал пересказывать любимые сюжеты из моей школьной жизни и из нашего рукописного журнала. Валя и Саша непрерывно смеялись. Через полчаса мы уже были обычной шумной компанией веселых молодых людей.

И вот он настал долгожданный вечер. Завсегдатаи беседки на своих местах. Как всегда, в центре внимания – колода карт. Похоже, что нервничаю не только я. Саша тоже периодически поглядывает на двери подъезда, откуда ожидается выход королевы двора – Валею-Валентины. И вот она на сцене. Оживление публики, не участвующей в карточной игре.

Но неожиданно сценарий нарушен. Валя не пошла к беседке. Она остановилась у подъезда и, подав знак «следуй за мной», медленно пошла к выходу на улицу. Я сразу сообразил, что этот знак адресован только мне, незаметно встал, вышел из беседки и пошел за Валею. Саша в этот момент был отвлечен картами и, кажется, не заметил моего маневра. Быстро догнал Валею.

– Добрый вечер, королева, – приветствовал Валею-Валентину.

– Добрый вечер, профессор. Не ожидала такого эффекта, но оказалось, все удалось. Ты наблюдательный. Заметил мой сигнал. А то пришлось бы возвращаться. А там бы Саша увязался. Толик, я так рада, что все получилось, – щебетала Валя.

– Саша в тот момент увлекся картами. Валечка, а что у тебя с ним?

– Он здесь один из моих верных поклонников.

– А много их у тебя?

– Со счета сбилась. Толик, если бы ты знал, как трудно быть хорошенькой девушкой? Есть, конечно, свои преимущества. Особенно, когда встречаешь хороших людей. Они всегда готовы помочь. А в остальном – сплошные минусы. Просто пройти по улице, и то страшно.

– Валечка, я тебя понимаю. Какие планы на вечер? Кстати, у нас юбилей – мы с тобой знакомы ровно сутки. Как отметим?

– Только сутки? Толик, мне кажется, мы с тобой знакомы всегда. Давай, пойдем к морю. Там прохладней. А то я за эти бесконечные сутки так устала от жары. Хорошо, в кинотеатре немного отдохнула. А то и до теплового удара недалеко с непривычки.

– Что ж, идем к морю, Валя-Валентина. Море и небо – моя слабость. С детства обожаю. Столько книжек перечитал. Все грезилось, как наяву. А действительность оказалась еще прекрасней, – сказал ей, и мы, взявшись за руки, неспешно двинулись в сторону моря.

И вот мы у моря. Набережная освещена, но стоит спуститься на узкую песчаную полосу у моря, и ты становишься невидимкой. Впереди – чернильная мгла в полмира. Сзади – набережная, как на ладони. А тебя не видно. Ни с моря, ни с суши. Чем ни невидимка?

У моря чуть прохладней. Но волны нагретого воздуха временами доставали и здесь. Мерный шум накатывающих на берег волн создавал особое настроение – умиротворения и стабильности.

– Как же здесь хорошо! – с восторгом отметила Валя-Валентина, – Здравствуй, море! Я снова на твоём берегу... Толик, я всегда так приветствую море, когда приезжаю... Слушай, давай искупаемся. Так хочется поскорей начать пляжный сезон.

– Валечка, солнышка-то нет. И сменной одежды. Как потом пойдем в мокром?

– Толик, мы с девочками вечером здесь купались без ничего. Место тихое. Со стороны ничего не видно. Рискнем?

– Валечка, ты сама предложила. А ни догадываешься, чем это может закончиться? Я не девочка... Я сам не знаю, на что способен, а ты тем более.

– Толик, я знаю тебя целую вечность. Вспомни наш вчерашний разговор. Ты подарил мне стихи, и, если сказала, что пошла бы хоть на край света, теперь только позови. Ты цены себе не знаешь, профессор.

Разговоры в сторону. Я быстро разделся, не глядя на Валу, затем бросился в теплое море и поплыл от берега. Я плыл, не оборачиваясь, пока ни услышал характерный плеск воды. Значит, Валя уже в море. Судя по всплескам, она плыла ко мне. Я развернулся и поплыл к ней. Со стороны моря видимость была получше, и я сразу разглядел силуэт плывущей девушки. И вот мы встретились. Здесь было неглубоко. Я доставал дно пальцами ног. Валя – вряд ли. Не сговариваясь, мы сразу обнялись и рассмеялись.

– Вот и попалась, русалочка – негромко пугнул ее, чтобы наши объятия не затянулись надолго. Сработало. Валя быстро свернулась в клубочек и, с силой оттолкнувшись от меня ногами, мгновенно оказалась в трех метрах от меня.

– А вот и нет! Попробуй, поймай! – заигрывала она. Я бросился в погоню. Мгновенно нагнал и обхватил девушку сзади так, что снова, как в кинотеатре, почувствовал ее прелести.

– Теперь не вырвешься! – торжествовал победу. А Валя и не хотела больше вырываться. Не удержавшись, поцеловал ее куда-то в шею.

Она вдруг ловко выскользнула из моих рук, и крепко обняв, сама быстро поцеловала меня в губы. Резко оттолкнувшись от меня, как и в первый раз, она снова оказалась на расстоянии.

Меня впервые в жизни поцеловала девушка! Это было выше моих сил. Эмоции переполняли. Набрал полные легкие воздуха, надолго нырнул, с тем, чтобы незаметно отойти как можно дальше в выбранном направлении и немного успокоиться от прикосновений к этому удивительному творению природы – к прекрасному женскому телу, незащищенному одеждой. Мы уже были на мелководье, почти у берега, поэтому, отталкиваясь от дна, ушел под водой на приличное расстояние. Вышла луна, и неожиданно стало светло. Валя уже стояла в полосе прибоя и напряженно вглядывалась в море. Я видел тревогу в ее позе и в суетливых движениях рук. Быстро поднялся из воды, окликнул ее и, не стесняясь наготы, побежал к ней. И вдруг

остановился, остолбенев от увиденного... Передо мной один в один была картина моего сна! Валя-Валентина смотрит на меня тем же загадочным взглядом, и она без одежды...

Она вдруг бросилась ко мне, крепко обняла и начала целовать, целовать, целовать. Я не ждал в ней такого бурного темперамента. Скорее всего, ее состояние было вызвано страхом за меня, который только что испытала. А сейчас меня целовала красивая девушка, которая была мне совсем не безразлична! И мы забылись в долгом поцелуе...

Когда очнулись – от заливающего все вокруг яркого лунного света было светло, как днем. На море серебром переливалась лунная дорожка.

Мы быстро оделись. Теперь передо мной стояла не волшебная русалочка, а королева двора – улыбающаяся Валя-Валентина. Она оглядела меня с ног до головы придирчивым взглядом собственницы, улыбнулась, и мы потеряли счет времени в жарких поцелуях...

Мы могли бы целоваться до утра. Но нас ждал двор. Я обнял Валу за талию, и мы медленно вошли в душный город. Перед входом во двор мы поцеловались на прощанье.

– До свидания, уважаемый профессор. Спокойной ночи и крепких снов.

– До свидания, моя королева Валя-Валентина. И тебе спокойствия и сладких сновидений.

Я вошел во двор, стараясь не привлекать внимания, обошел беседку и вошел в нее как бы из глубины двора.

– Ты куда исчез? – мгновенно среагировал на мое появление Саша.

– Сходил, искупнулся тут неподалеку. А то с этими фильмами мы и о море позабыли.

– Меня бы позвал, вместе бы искупнулись.

– Да ты до сих пор от карт оторваться не можешь.

Но, Саша неожиданно вскочил, бросив карты, потому что через двор к подъезду направлялась Валя-Валентина.

– Валя, подожди, – крикнул он ей.

– Саша, извини, спешу. До завтра, – ответила она ему и всем нам, и, помахав ручкой, скрылась в подъезде. Правильно сделала, потому что ее мокрые после купания волосы выдали бы нас с головой.

И вот я снова в духоте комнаты лежу на мокрых простынях и подушках. От впечатлений прошедшего дня совсем не хочется спать. Эта девушка за сутки перевернула мою жизнь. Она дала надежду. Она явно не любительница курортных романов, а чистая открытая девушка из русской провинции, где женщины ведут себя так, когда любят по-настоящему – в полную силу.

Я всегда представлял свою жизнь в образе маленького, незаметного червячка, ползущего по огромному, раскидистому дереву возможностей. Вот дополз до первой развилки. Назад пути нет. Путь один – только вперед. Свернув на очередную ветку, я навсегда отсек все возможности когда-либо прожить другую жизнь – жизнь на соседней ветке. И чем выше забирался, тем меньше оставалось возможностей. А вот и близкий конец моей единственной ветки, которую выбирал всю свою убогую червячью жизнь. И вкусные плоды остались где-то в стороне. И к ним уже не попасть никогда и ни за что. А я всю свою единственную и неповторимую жизнь питался одной недозрелой кислицей.

Я не должен упустить эту девушку, которая честно и открыто предложила дружбу, а если позову, откликнется и на более высокие отношения. Я стою у развилки – маленький, незаметный червячок...

А еще представлял себя таким полезным растением, произрастающим среди себе подобных благородных, но хлипких растений и своры могучих сорняков. Всем нам одинаково светит солнышко и поливает дождь. Но от полезных растений есть прок, а сорные, бесполезные, лишь снижают плодородие земли.

Валя-Валентина... Я узнал тебя молоденькой девушкой, но уже пережившей горе. Много лет знал зрелой женщиной. Ты была такой же, как я. Ты всегда была готовой выпрыгнуть на ходу из несущегося поезда, или прыгнуть без парашюта с самолета. Нам с тобой, чувствующим всеми силами души, нечего терять в этом мире, если не было большой любви, или большой цели.

И вот сейчас мы с тобой, Валя-Валентина, – два маленьких червячка на одной и той же развилке дерева жизни. Один миг – и мы двинемся по одной и той же ветке. Этот же миг – и наши пути разойдутся навсегда...

И я решился. На третий день нашего знакомства предложу тебе не дружбу, а мою любовь...

А теперь надо подумать, что же еще тебе сказать в моих стихах. Мне вдруг надоело сочинять стихи, откровенно обнажая в них страдающую душу. А если попробовать сочинить стихотворение-ребус...

С виду обычное стихотворение, но зашифрованный смысл которого будут знать только двое – мы с тобой... И я придумал два таких стихотворения. Я решил создать традицию. Одно стихотворение утром, второе – днем.

Луч солнца в последний раз
С улыбкой взглянул на поля,
Но пробил урочный час,
И во мрак опустилась земля.

Еще долго пылала заря,
Полмира от тьмы заслонив,
Словно отблеск минувшего дня
И привет от бушующих нив.

А когда догорела она,
Миллионами солнц неземных
В небе вспыхнула звезд тишина,
Как привет от миров иных.

Это стихотворение ты получишь утром в беседке, куда наверняка придешь. А второе – в кинотеатре, перед началом сеанса.

Я иду по весеннему полю,
Надо мною бездонное небо.
Вихри света, почувствовав волю,
Льются щедро на полосы хлеба.
Их прозрачные нежные травы
Чуть колышет задумчивый ветер,
А вдали зеленеют дубравы,
Размышляя о будущем лете.

Я не буду расшифровывать смысл этих стихотворений. Об этом знали только я и моя королева – Валя-Валентина...

Второй день, как две капли воды, был похож на первый. Мы втроем отдохнули от жары в кинотеатре. А вечером нам с Валею снова удалось сбежать, причем, гораздо проще. Валя ушла из дома заранее, и весь вечер двор напрасно ждал ее выхода. Мой уход никто не заметил.

И снова было купанье под луной. Мы плавали по лунной дорожке. Мы горячо целовались и в море, и на пляже, и в парке. Мы наслаждались счастьем обретения надежды. Когда утром и днем рассказал Вале тайный смысл подаренных ей стихов, она обняла меня и поцеловала. Это стало нашей тайной. А потом сказал, что завтра хочу сообщить ей нечто важное, что должно изменить нашу жизнь.

Мы простились с Валею, в твердой уверенности, что завтра будет такой же счастливый день, будет кинотеатр и море. Но мы не знали, что жестокая судьба уже занесла свой меч, приготовившись разрубить едва наметившиеся связи двух одиноких душ, ищущих, и, кажется, нашедших взаимную любовь.

Валя ушла домой первой. Через полчаса, побродив немного по городу, подошел я. Саша встретил сообщением, что в пять утра за нами заедет машина, и мы должны помочь доставить мебель нашему сокурснику Толику Панченко. Он живет недалеко от города, но придется у него заночевать, вплоть до послезавтра. Спросил о Вале, с которой мы договорились об очередном посещении кинотеатра. Саша сказал, что он уже ее только что предупредил. В театр пойдем послезавтра.

На следующий день мы выполнили все, о чем попросил Толик. Мы доставили мебель на берег гигантского лимана. Лиман представлял собой сплошные камышовые заросли, залитые морской водой. Где-то в этих зарослях располагалась приличных размеров обитаемая суша, с несколькими домиками, садами, огородами и виноградниками.

С берега мы грузили в катер один или два предмета мебели. Катер уходил и вскоре возвращался за следующей партией. Работа была нетрудной, но отняла много времени. Последним рейсом катер доставил нас на место. Там пришлось поработать чуть больше – мы постепенно перевезли всю мебель в дом на ручной тележке.

Работу завершили лишь к вечеру. И вот нас пригласили за стол. Огромный стол стоял посреди своеобразного дворика, образованного пространством между двумя беленькими украинскими хатками. Сверху весь дворик был перекрыт часто натянутой проволокой, по которой вилась старая виноградная лоза. Мы сидели в тени виноградных листьев, а над нами висели крупные гроздья спелого винограда. Трудно даже представить, сколько его там было.

Стол ломился от блюд украинской кухни. Но центром этого пиршества были запотевшие бутылки виноградного вина своего изготовления. Увы, этот благородный напиток разливали не в тонкие бокалы, которых он, несомненно, был достоин, а в обычные граненые стаканы.

Вино было просто великолепным. Но Толик сразу предупредил, чтобы не налегали именно на этот сорт. Если понравится его отцу, тот угостит нас самым лучшим своим вином. Мы расстарались. И вскоре Толик, по указанию отца, уже шел в винный погребок за этим самым коллекционным вином. Это было нечто. Восторг! Вечер удался...

А поздним вечером сходили к морю освежиться. Я увидел гигантский песчаный пляж, который распростерся вдоль берега на несколько километров. И на всем этом пляже находились только мы втроем. Я наслаждался этим вечером у моря, но было немного грустно без моей королевы. Оказалось, всего после двух суток общения с этой удивительной девушкой уже не мог без нее обходиться.

Валя-Валентина... Что ты сейчас делаешь? Вспоминаешь ли глупого профессора Толика? Жалеешь ли о том, что сегодня не будет наших заплывов по лунной дорожке? Не будет нашего праздника резвящихся дельфинов, прекрасных в своей наготе. Не будет наших страстных поцелуев, от которых закипает кровь и дурманится голова, и о которых всего двое

суток назад даже не помышлял, смирившись с участью обреченного на одиночество человека. Не будет наших разговоров, которые захватывали своими неожиданными поворотами, и которые открывали мне новый мир – мир женской души, таинственной и непредсказуемой.

Ты научила меня многому, о чем даже не догадывался. Ты научила сохранять чистоту отношений даже в интимной обстановке. Ты научила не сдерживать чувств и отдаваться им со всей страстью души. Ты окрылила меня, так явно определив и подчеркнув мои достоинства, которых в себе даже не подозревал. Ты вселила в меня веру в свои силы, подорванные пятью годами самоотречения. Ты подарила надежду.

Утро встретило неприветливо. Сверкали молнии, гремел гром, лил тропический ливень. Море штормило. А это означало, что мы в ловушке на этом острове. Пока шторм ни кончится, катер в море не выйдет.

Спросил у Саши, ни будут ли волноваться его родители, если мы сегодня не попадем домой. Он успокоил. Сказал, что уже несколько раз попадал в такую ситуацию. И сейчас родители наверняка осведомлены о шторме, а значит, помнят, что отсюда не выберешься. Конечно же, спросил о договоренности с Валей. Он сказал, что та догадается, или спросит у его родителей, куда мы исчезли.

Плохая погода продержалась два дня. На третий засияло солнышко, но волны все еще были большими. Назревала опасность, что вообще опоздаю на поезд.

На поезд все же успел, а вот встретиться с Валей-Валентиной не удалось. К тому времени, когда добрались до дома, до отхода поезда оставалось два часа. Сказал Саше, что хочу попрощаться с Валей. Мы зашли к ним, но дома никого не оказалось. Уезжая, оставил записку для Вали со своим адресом, куда она могла бы написать мне. Ни одного письма от нее так и не получил.

Когда Саша вернулся после каникул в училище, спросил у него, как там Валя, но он сказал, что практически ее не видел. К ним в беседку она больше не заходила, и, похоже, с утра до вечера пропадала на пляже. Мою записку он ей передал. Ее адрес в Тульской области Саша не знал, а я тем более.

И я снова попал в полосу душевной депрессии. Мне стало понятно, что отныне каждый из нас – двух маленьких одинаковых существ, встретившихся на миг на развилке дерева жизни, уже двинулся в путь, но каждый по своей ветке.

А потом захватили другие события. Я пережил самую большую трагедию – смерть любимого человека. Эта трагедия заслонила весь остальной мир. Я на время стал глух и слеп, не замечая ярких красок бушующей вокруг жизни, не слыша ее призывных звуков. Мир стал серым и безрадостным – пустым.

Иногда вспоминал короткое летнее знакомство. Но теперь, через несколько лет, оно уже действительно представлялось курортным романом.

И единственное, чего никак не мог понять, почему Валя не написала ни строчки по моему адресу, почему не сообщила свой адрес через Сашу. Ведь не мог я так ошибиться в ней, а главное – в искренности ее чувств тогда, тем летом. Это все равно, что ошибиться в себе...

Что ж, завтра мы встретимся с тобой, моя королева. Но чего мне теперь ждать от встречи с замужней женщиной? Скорее всего, мы просто посмотрим друг на друга с разных веток дерева жизни, пока эти ветки не разошлись насовсем, за пределы зоны видимости.

Мы пришли к вагону первыми. Меня провожали родители и братья. Все бодрились, только мама периодически пускала слезу.

– Ладно, мама, не расстраивайся. Что вы меня на фронт провожаете? – пытался ее успокоить, хотя у самого тоже было тяжело на душе, – Время пролетит незаметно. Глядишь, скоро в отпуск приеду.

– В этом году уже не увидимся, – снова всхлипывала мама.

– Ничего, год уже через пять месяцев закончится. Все будет нормально, – подбадривал ее. Больше всего не люблю всевозможные проводы. Куда лучше – встречи. Все довольны, все улыбаются, все тебе рады. Скорей бы ребята подошли. Может, станет веселее. Их-то еще в Бердянске проводили. Они в пути вторые сутки.

И вот они, наконец, появились. Впереди Валя-Валентина, сзади с вещами Саша. Увидели нас. Мне показалось, Валя слегка пополнела, в глазах появилась твердость, уверенность. Зато Саша шел какой-то пришибленный, сразу напомнивший мне тульских парней, о которых когда-то рассказывала Валя.

«А отчего им ни быть пришибленными, если ими такие вали командуют», – закружилась в голове очередная дурацкая мысль, которая развеселила настолько, что рассмеялся.

– Профессор в своем репертуаре, – услышал знакомый мелодичный голосок. Все наши провожающие немного приободрились.

– Ну, здравствуй, королева, – протянул руку Вале-Валентине, – Так вот черепаху за водкой посылать – может вернуться через целых три года, – начал словесную дуэль с единственным человеком, который сейчас интересовал.

– Здравствуйте, профессор, – Валя протянула свою ручку, как в тот самый первый день нашего знакомства. Как и тогда, взял ее в свою и поцеловал. Поднял глаза и вместе с очаровательной улыбкой, увидел в ее глазах каких-то чертиков, – Я так тогда и подумала, что пока вы весь погребок ни осушите, оттуда не вернетесь, – быстро нашлась она. Я больше не мог сдерживать чувств, увидев так близко ее сияющие глаза и губы, которые когда-то целовал. Обнял ее и трижды поцеловал, но не в щечки, как это принято по-русски. И снова почувствовал что-то давно забытое, и еще отметил, что она отвечала на мои короткие поцелуи.

– Валечка, а откуда ты про погребок знаешь?

– Саша рассказывал.

– А что еще он тебе рассказывал? – задал ей вопрос, который не надо было бы задавать второпях. Но когда спросил, меня вдруг осенило. А может именно так развивались события, в результате которых наши червячки разошлись на развилке пресловутого дерева жизни, – Ладно, давайте располагаться, потом будет много времени для разговоров, – освободил Валу от ответа на вопрос.

Предложил провожающим выйти из вагона, чтобы ребята расположились в купе. Выходя из купе, поприветствовал Сашу, стоявшего с вещами у входа.

Интересно, видел ли он детали моей встречи с Валею? Скорее всего, нет. Да, собственно, все произошло быстро и в рамках приличия. Может, я ее так поздравил с замужеством. Кстати, я их вообще не поздравил. Может, правильно сделал. Стоит ли поздравлять, если мне это неприятно. Не от души будут эти поздравления... Валя все еще испытывает что-то ко мне. Это очевидно. Она отвечала на поцелуи, а могла бы просто подставить щечку.

«Нет. Это путешествие будет для нас непростым», – думал, двигаясь по проходу к выходу из вагона.

Мы постояли у вагона, я распрощался с провожающими, и за минуту до отхода поезда прошел в купе. Мои нервы были на пределе. Скорее бы уезжал этот поезд. Наконец, он тронулся. Мы втроем долго махали провожающим, но вот уже колеса бодро застучали на выходных стрелках. Путь в никуда начался.

В купе мы были втроем. Четвертый, очевидно, подсядет где-нибудь на первой же остановке поезда. Ехать почти двое суток. Дорога до Волги давно знакома. Смотреть особо не на что. Но придется. Пусть молодожены обустроиваются.

Вышел из купе. Встал у окошка. Мысли скакали горохом. И все они были какие-то мелкие, гадкие. Что я собственно хочу? Узнать, каким способом меня разлучили с Валею? Ну, узнал когда-то подобную правду от подружки Людочки. Я и сам ее вычислил еще до того, как узнал. У подружки лишь уточнил детали. Мне что, стало легче? Нет. Та подлость обошлась в пять с лишним лет страданий. И не только мне. Оказалось, Людочка тоже страдала. Тогда мы, по крайней мере, вновь обрели то, что у нас похитили – нашу большую любовь. И мы были счастливы полгода, пока трагическая судьба ни разлучила нас навсегда...

А что сейчас? Допустим, узнаю причину, по которой Валя не стала мне писать три года назад. Может, она так и не узнала мой адрес, потому что Саша не передал записку. Может, Валя передала мне записку со своим адресом, а Саша опять-таки сподличал. Возможны другие варианты. Все возможно. А что дальше?

Надо ли мне стать причиной крушения молодой семьи только для того, чтобы торжествовала справедливость? Кто я такой? Допустим, Валя узнает, что Саша подлец. Ей будет больно. Она будет винить себя в том, что не разобралась в этом человеке. А он уже ее муж. И она вдруг сообщит ему то, что он и сам давно о себе знает. Но он будет защищаться, все опровергать. Разлад в семье. Ради чего? Какая в том великая цель?

Смолчать? Сделать вид, что ничего не было? Но ведь было... Валя была инициатором нашего бурного романа. Я лишь оказался тем человеком, которого она искала... Стечение обстоятельств, и все разрушено. Нас разделили три года неизвестности. Она снова искала. Но ведь нашла. Это я никого не искал. Это я все на том же месте, раздавленный горем...

Что ж, я не стану ничего выяснять. Я не буду никого обвинять. Предоставляю это право тебе, моя королева.

Я знаю тебя, Валя-Валентина, как самого себя, потому что мы одинаковы. Тебе захочется узнать правду. Уже по первым минутам нашей встречи через целых три года понял, что ты не забыла два бурных дня нашего романа. Ты наверняка хранишь мои стихи. Ты знаешь тайну, о которой знаем только мы вдвоем... Нет... Ты будешь искать правду. И ты узнаешь, как было разрушено наше будущее. А потом думай. Здесь все просто. Журавль, или синица. Зная тебя, думаю, ты выберешь журавля. Но это будет только твой мучительный выбор. Ты никогда не упрекнешь меня за него. Я буду ждать тебя, моя королева. Но я не буду помогать тебе в неблагоприятном деле установления истины. Разбирайся во всем сама.

Из купе выглянул Саша.

– Толик, ты, что там стоишь столько времени? Иди к нам. Валя приглашает.

– Саша, пользуйся моментом, пока к нам четвертого не посадили. А я пока в окошко посмотрю. Места знакомые. Давно не видел. Так что не переживай. Вале привет.

Прошло часа два, а я все стоял и размышлял. Неожиданно вышла Валя в красивом халатике.

– Привет, профессор.

– Здравствуйте, ваше величество.

– Толик, а если без шуток? Хочешь, поговорим?... Или оставим все, как есть, без объяснений?

– Валечка, мне не до шуток. Я вчера, когда услышал о жене Саши, которую зовут Валя, и которая знает меня по Бердянску, чуть с ума ни сошел. Я не знал, как себя вести, когда встречу тебя.

– Неужели совесть замучила? Если не хочешь, не отвечай. Я не обижусь. Но, пожалуйста, расскажи все, как есть. Мне хотелось бы понять. Я уже не та девочка, что три года назад. Но, знаешь, как гадко себя чувствовала тогда? Ты даже не можешь это представить. Идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.